

Тихое мурлыканье русала зазвучало в безмолвных глубинах. Голос Дэнси дрожал, срывался на всхлипы, то набирая громкость, то затихая почти до нуля. Он пел на чистом инстинкте.

И всё равно — было красиво.

Морская вода разносила бессловесную мелодию далеко-далеко. Океанское дно, вскипевшее от ауры серебристохвостого мэрфолка, постепенно возвращалось к покою.

Голос русала — дар океана. Как сам океан, он был всеобъемлющим, мягким, умиротворённым. В этой тишине зарождалась новая жизнь.

Каждый раз, когда Дэнси сталкивался с непосильным противником, он негромко напевал — и целительная сила его голоса на время подавляла у хищников инстинкт нападения.

В такие минуты даже самый свирепый зверь становился послушным, словно медузка, которую Дэнси держал дома.

Каменные плечи серебристохвостого медленно расслабились. Факторы буйства в его ментальном поле утихали, уступая место обострившимся ощущениям. За спиной — тёплое тело. Руки подростка крепко обнимали его, пальцы побелели от силы хватки. Хвосты переплелись.

Ничтожная сила — а он оказался в плену этих тёплых объятий.

Объятия, пахнущие океаном. Тихие и искренние.

В полумраке дна золотые и серебряные пряди сплетались в водовороте. Серебристохвостый мэрфолк с пустым взглядом стоял в толще воды, а синехвостый русал, преодолев течение, прижимался к его спине.

Тихое мурлыканье длилось неизвестно сколько. Измученный Дэнси наконец умолк.

Сегодня было слишком много потрясений, слишком много страха. Он метался между двумя акваториями, и теперь выбился из сил. Покрасневшие от слёз глаза саднили от каждого моргания. Даже в песне слышалось сонное изнеможение.

Угрожающая аура серебристохвостого рассеивалась. Даже когда пение стихло — ничего страшного не произошло. Дэнси осторожно разжал руки, начал медленно распутывать хвосты. Но стоило зверю шевельнуться — Дэнси в испуге снова вцепился в него, и мэрфолк затих.

Песня закончилась, но врождённое обаяние русала продолжало действовать.

Дэнси держал его ещё очень долго. Потом осторожно отпустил и протянул руку, чтобы погладить серебристые волосы. Неумело, ласково:

— Немой малыш, умница.

Он приглаживал серебристые пряди, а серебристохвостый инстинктивно ткнулся головой в его ладонь. Заметив это, Дэнси сонно улыбнулся:

— Да, вот так. Очень послушный.

Дэнси взял его за руку. Не обращая внимания на острые когти мэрфолка, он вплёл свои мягкие пальцы между ними.

Сцепленные пальцы, крепкое рукопожатие.

Ощущение безопасности от объятий вернулось.

Серебристохвостый мэрфолк снова затих.

Дэнси повёл его за руку прочь. Едва потянул — серебристохвостый наклонился и подобрал осколки раковины с песка, зажав их в кулаке.

Потом чуть потёр большим пальцем сустав, на котором, казалось, ничего нет, но на ощупь чувствовался холод металла. Невидимый предмет на его пальце нагревался и дрожал.

Потерявший разум мэрфолк лишь мельком глянул — ничего интересного — и перевёл взгляд на Дэнси.

На этот раз Дэнси удалось увести его.

Он уже запомнил дорогу и вёл немного малыша домой без единого поворота не туда. Немой малыш весь путь был послушным.

Между двумя акваториями — несколько километров. Когда они добрались до логова, была глубокая ночь. Дэнси, еле живой от усталости, не мог даже открыть глаза. Живот тоже урчал, но сил есть не было.

Дэнси усадил серебристохвостого на раковину и попытался забрать руку. Не вышло — мэрфолк не отрывал от него глаз.

Дэнси бессильно закружил перед ним.

Он был уверен: немой малыш выбросил раковину не просто так, а потому что болен и не контролирует себя.

Дэнси решил его простить.

Он не знал, когда немой малыш придёт в себя. Но даже если тот не поправится — Дэнси не бросит единственного сородича, превратившегося в монстра, на которого даже болеть некуда.

Он будет петь для него. Сколько нужно.

И будет, как раньше, когда немой малыш был ранен, каждый день ловить рыбу и приносить домой — пока тот не выздоровеет.

Если только... Дэнси посмотрел на фиолетовые следы на своей руке, потёр слипающиеся глаза и тихо попросил:

— Немой малыш, будь всё время таким послушным.

Бессознательный мэрфолк проследил за его взглядом. Протянул коготь и осторожно тронул один из синяков. Его полуприкрытые веки выражали что-то похожее на вину.

Дэнси:

— Ладно, сейчас уже не бо...

Он не договорил: серебристохвостый мэрфолк поднёс его руку к губам и медленно лизнул синяк широким языком.

Серебряные пряди упали вдоль его лица. С точки зрения Дэнси был виден лишь ледяной подбородок. Серебристые глаза были опущены, старательно и серьёзно, он лизнул ещё раз.

Приоткрытые губы обнажили острые клыки мэрфолка. Прохладный, как у змеи, язык оставлял ледяной след.

Сы Цзишэн полностью утратил разум. Остался лишь животный инстинкт.

В мире зверей, если кто-то ранен, нужно вылизать — и заживёт быстрее.

Дэнси оторопел, а потом не смог сдержать улыбки.

У русалов взаимное вылизывание ран — знак высшей близости, доступный лишь самым родным.

Это означало: даже без рассудка, не узнавая его, немой малыш подсознательно считал Дэнси частью своего безопасного мира.

Своим — единственным.

Самым близким — тоже Дэнси.

«Если бы так было всегда», — подумал Дэнси. Неважно, поправится немой малыш или нет, — они могут быть вместе, вечно, поддерживая друг друга в одиноком океане.

Серебристохвостый мэрфолк, закончив «лечение», раздражённо нахмурился — температура кожи русала стала ещё выше. Его отвлёл зевот синехвостого.

Дэнси осторожно высвободил руку и, под присмотром успокоенного мэрфолка, забрался в новую раковину. Щёлк — крышка закрылась.

— Спокойной ночи.

Измощённый русалочка провалился в сон, едва погрузившись во тьму.

Дэнси не знал, что серебристохвостый мэрфолк долго смотрел на закрытую раковину, озадаченно склонив голову. Потом подплыл, осторожно приоткрыл створку.

Увидел мирно спящего Дэнси — и тихо закрыл.

Прошло ещё немного.

Снова открыл. Посмотрел. Закрыл.

Как дракон, стерегущий своё сокровище, — боится, что стоит отвести глаз, и золото исчезнет.

За эту ночь розовая раковина открывалась неизвестно сколько раз. Но Дэнси, обессиленный за день, спал так крепко, что ничего не слышал.

Лишь когда забрезжил рассвет и свет проник на дно, возбуждённый мэрфолк наконец раздражённо повернул прозрачное кольцо на пальце, которое всю ночь не давало ему покоя.

Случайно он коснулся чего-то.

Раскалённый терминал прошёл идентификацию, и на голубом экране мгновенно высветился

сигнал. Заблокированный канал связи выплеснул координаты.

Убедившись, что голубой экран безопасен, мэрфолк потерял к нему интерес и снова уставился на раковину.

А экран продолжал мигать.

«Сигнал восстановлен!»

«Срочно свяжитесь с маршалом!»

«Доклад: маршал не выходит на связь».

Адъютант, глядя на бескрайнее море, мгновенно отдал приказ:

— Действуем по плану.

Круизный корабль на полной скорости устремился к координатам. Через полчаса несколько полностью вооружённых имперских солдат надели кислородные баллоны и по команде адъютанта прыгнули в воду.

Камеры реального времени передавали картинку на мостик. Адъютант нервно расхаживал из стороны в сторону.

Солдаты погружались всё глубже. Изображение тускнело. Наконец они зависли над входом в подводный разлом, вглядываясь в чёрную бездну. Ждали указаний.

— Вооружиться. Спуск.

Камеры показали ещё более густую тьму. Мимо проплывали размытые очертания кораллов. Неизвестно сколько времени прошло — и навигатор пискнул.

До цели — десять метров.

Водоросли у входа в пещеру раздвинулись. Мэрфолк мгновенно прищурился в ту сторону.

Помехи от мощного магнитного поля заставили камеры трещать. В кромешной тьме медуза вспыхнула — и на долю секунды два ледяных вертикальных зрачка появились в кадре. Одно мгновение света — но этого хватило, чтобы мороз пробежал по спинам.

Адъютант похолодел и заорал:

— Всем! Первый уровень тревоги! Немедленно отступить!!!

Никто не смел приближаться к маршалу в состоянии буйства. Это гарантированная и жуткая смерть.

Адъютант наконец понял, почему после приказа «немедленно вылетать» звездолёт, совершив прыжок от столицы до этой водной планеты, не получил от маршала ни одного ответа.

Маршал вошёл в фазу трансформации.

Полностью превратился в боевую машину с разрушенным рассудком и одними лишь инстинктами.

Одного воспоминания о прошлых инцидентах хватило, чтобы адъютанта покрыла гусиная кожа. Он сглотнул и заставил себя собраться:

— Немедленно заменить заряды в лазерном оружии на транквилизатор. В крайнем случае — открыть огонь на поражение.

— На круизном корабле нет лечебной капсулы. Маршала нужно срочно доставить на звездолёт, иначе последствия будут катастрофическими!

В полумраке логова.

Флуоресцентная медуза мигала. Больше десятка чёрных стволов были нацелены на серебристохвостого мэрфолка, стоявшего перед раковиной.

Опасность.

Мозг непрерывно посылал сигнал тревоги. Но мэрфолк не двигался. Он стоял перед раковиной.

Несколько ампул транквилизатора вонзились в его тело. Могучий мэрфолк рухнул прямо на раковину. Но хрупкая, прекрасная раковина, защищённая его телом, не пострадала — ни один снаряд не прошёл сквозь живой щит.

Она осталась невредимой. Тихо стояла на прежнем месте.

Сквозь створку серебристохвостый мэрфолк, казалось, ещё слышал мерное дыхание внутри — лёгкое, ровное, как во время сладкого сна. Он представил себе, как во сне щурятся глаза и в уголке губ появляется ямочка.

Под натиском транквилизатора...

Серебристохвостый мэрфолк медленно закрыл глаза.

— Забираем.

<http://bllate.org/book/17900/1713717>